

О локальных особенностях в традиционной одежде обских угров

А. А. Богордаева

In the article, the author considers a complex of traditional clothing of the eastern group of the Mansi people and the southern group of the Khanti people in the XVIII–XX cc. Basing on analysis of fabric and style of the clothing and footwear, as well as the types and arrangement of the ornaments, the author identifies similarities with the clothing of the peoples inhabiting the Volga basin, Middle Asia and Siberia.

Рассматривая традиционную культуру обских угров, путешественники и краеведы XVIII — начала XX в. [Алквист, 1999; Дунин-Горкавич, 1996; Новицкий, 1999; и др.], а также исследователи XX в. [Головнев, 1995; Лукина, 1985; Мартынова, 1998; Соколова, 1975; Федорова, 1994; и др.] отмечали наличие в ней локальных особенностей, характерных для определенной территории, определенной диалектной группы, определенного типа хозяйственной деятельности.

Достаточно ярко эти особенности проявляются в традиционной одежде обских угров. В научной литературе ее принято рассматривать по двум основным составляющим группам, т. е. как одежду хантов и манси [Прыткова, 1953; Лукина, 1985; Федорова, 1978, 1994]. При этом выделяют комплексы северных, восточных и южных хантов, что связано с делением на диалектные и территориальные группы [Прыткова, 1953]. В одежде манси, которые по языку и территории дифференцируются на четыре группы: северную, восточную, южную и западную, выявляются, как и во всей традиционной культуре, два комплекса — одежда таежных охотников и рыболовов и одежда кочевников-скотоводов [Бабаков, 1973; Федорова, 1994].

Наиболее полно исследованными можно считать комплексы одежды восточной (реки Вах, Васюган, Юган, Аган, Тромъеган, Пим, Салым) и северной групп хантов (реки Нижняя Обь, Казым, Куноват, Северная Сосьва, Сыня и др.), северной группы манси (реки Обь, Северная Сосьва, Ляпин, верхнее течение Лозьвы), традиционные элементы которых в достаточной мере сохраняются и в настоящее время.

Значительные трудности связаны с исследованием комплексов традиционной одежды западной, восточной и южной групп манси и южной группы хантов, что обусловлено сложными миграционными процессами на территории их проживания, ранней ассимиляцией этих групп и утратой такого важного этнодифференцирующего элемента, как костюм, а также характером источниковой базы, содержащей сведения по их костюму.

Литературные источники, музейные коллекции и материалы этнографических экспедиций в Кондинский, Ханты-Мансийский и Уватский районы Тюменской области, где расселяются южные ханты и восточные манси, позволяют рассмотреть подробнее традиционную одежду этих групп обских угров в XVIII–XX вв., выявить наиболее архаичные и заимствованные элементы, проследить процесс изменения украшений и покроя некоторых элементов костюма.

Процесс складывания восточных манси и южных хантов охватывает длительный период и сопряжен с миграциями южной и западной групп манси. К южной группе относятся манси рек Тавды, Туры с притоками Ницей, Тагилом, Средней Камы с Иньвой и Чусовой, верховьев Уфы. Административно эта территория в XVIII–XIX вв. входила в состав Табаринской, Кошутской волостей и некоторых волостей по р. Туре Туринского уезда Тобольской губернии [Соколова, 1983, с. 96–99]. К западной относятся манси, населяющие бассейн рек Пелыма, Средней и Нижней Лозьвы, Сосьвы, Камы, Косьвы и Вишеры. По административному делению в указанное время эта территория входила в состав Тарханской, Лозьвинской, Гаринской, Ворьинской, Сосьвинской, Чернавской и Пелымских волостей Туринского уезда Тобольской губернии. В восточную группу входят манси р. Конды и ее притоков. Территория их проживания входила в состав Больше- и Верхне-Кондинской волостей Туринского уезда Тобольской губернии [Там же, с. 84–99]. К южной группе хантов относится угорское население, проживающее в бассейне р. Конды, нижнем течении Иртыша и Демьянки. В XVIII–XIX вв. территория их проживания входила в состав Меньше-Кондинской, Больше-Юкондинской, Верхне-Демьянской, Нарымской, Назымской волостей Тобольского уезда Тобольской губернии [Соколова, 1983, с. 47–56]. Источники свидетельствуют, что в более раннее время южная группа хантов населяла районы, расположенные южнее — на р. Туре, где в XVIII в. проживали южные манси, татары и русские [Там же, 97]. Е. П. Мартынова на основе исследования брачных связей, хозяйственных и социокультурных установок соотносит южную группу хантов с прииртышским этнографическим ареалом, определяя при этом Нижнее Прииртышье как «этногенетически исходный хантыйский регион» [1998, с. 12–50, 203].

Все эти группы проживали в непосредственной близости друг от друга. В некоторых случаях население волостей было смешанным — ханты-мансийским, как, например, в Больше-Юкондинской, Верхне- и Больше-Кондинской волостях в конце XVIII в. З. П. Соколова отмечает, что в XVIII в. на Туре происходит процесс тюркизации вогульского населения, а в XIX в. и обрусение.

ние [1983, с. 96–98]. Кроме того, на территории проживания этих групп обских угров было достаточно многочисленным русское население, и уже в конце XVIII — XIX в. наблюдался высокий процент межнациональных браков с русскими [Там же, с. 47–98].

По хозяйственной направленности южные ханты и восточные манси соотносятся со следующими комплексами, выделенными А. В. Головневым: с глубинно-таежным, существовавшим на этой территории еще до прихода русских и основанным на охоте на крупных копытных и рыболовстве, а также с приречно-таежным, характеризующимся рыболовством, как ведущей отраслью, дополняемой охотой, собирательством, транспортным собаководством и коневодством. В XVIII–XX вв. под влиянием сибирских татар и русских здесь образуется южнотаежный (кондинский) комплекс, основанный на охоте, рыболовстве и собирательстве товарного характера [Головнев, 1995, с. 46–65]. С. К. Патканов, описывая хозяйственные занятия южной группы хантов в конце XIX — начале XX в., отмечает наличие у демьянских остяков земледелия, у иртышских — домашнего скотоводства, с содержанием небольшого количества крупного рогатого скота, лошадей и овец [1999, с. 54–64]. Остяцкое и вогульское население Меньше-Кондинской волости в начале XX в., помимо рыболовства, охоты и собирательства, занималось огородничеством и держало домашний скот: лошадей, коров, овец [Дунин-Горкавич, 1996, с. 318–323]. Очевидно, можно считать, что южные, частично — западные манси и южные ханты были ассимилированы уже к началу XX в. Размывание частично сохранившихся элементов традиционной культуры у восточных манси и южных хантов, проживающих на территории Кондинского, Ханты-Мансийского и Уватского районов Тюменской области, в настоящее время продолжается. Местное хантыйское и мансийское население практически не владеет родным языком. Рыболовство, охота, собирательство носят подсобный, дополняющий характер, в ряде случаев — товарный [Головнев, Новикова, 1981; ПМА].

Большинство исследователей XIX — начала XX в., изучая одежду этих групп обских угров, сравнивают ее с одеждой, характерной в то время для русских, татар, народов Поволжья. Традиционному костюму южных хантов посвящены исследования С. К. Патканова [1999] и В. Шемайера [1914]. Сведения по одежде восточных манси и южных хантов содержатся также в записках И. Лепехина [1814], В. Павловского [1907], П. П. Инфантьева [1910], В. Пигнатти [1912], в работах У. Д. Сирелиуса [1906] и др. Важный фактический материал по традиционной одежде указанных групп обских угров представляют коллекции Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Тюменского областного краеведческого и Кондинского районного краеведческого музеев[1].

Как свидетельствуют литературные данные, для пошива одежды обские угры в XVIII в. использовали рыбы кожи, птичьих и звериные шкурки, ровдугу и шкуры лосей и оленей [Бабаков, 1973, с. 216; Новицкий, 1999, с. 39; Прыткова, 1953, с. 124]. По-видимому, эти материалы можно считать достаточно широко распространенными в этот период. Использование их соотносится с комплексом культуры таежных охотников и рыболовов [Прыткова, 1953, с. 124; Лукина, 1985, с. 149; Федорова, 1994, с. 259].

Одежда из рыбьих кож известна по литературным материалам и практически не представлена в музейных коллекциях. Вероятно, в XVII–XVIII вв. ее носили как мужчины, так и женщины. Из рыбьих кож шили плечевую одежду, а также штаны и, возможно, обувь. Н. Ф. Прыткова считает, что у кондинских хантов в это время «рыбья кожа являлась единственным материалом для верхней одежды, доступным для малоимущей группы населения» [1953, с. 124–125]. Характеризуя изготовление одежды из рыбьих кож у восточной группы хантов как местную субстратную черту, Н. В. Лукина предполагает территориально более южное ее происхождение [1985, с. 149].

О бытовании некогда у иртышских хантов одежды из составного меха (птичьих и звериных шкурок) свидетельствует героический эпос [Патканов, 1999, с. 226]. Источники XIX — начала XX в. такую одежду у восточных манси и южных хантов не фиксируют. Шубы из птичьих шкурок наиболее характерны для восточной группы хантов, где они еще использовались в конце XX в. В женском варианте шуба из лебязьих шкурок известна у нижнесосьвинских и обских манси, а также у северных хантов [Федорова, 1994, с. 177–178; Прыткова, 1953, с. 190].

Григорий Новицкий, объехавший в начале XVIII в. территорию от Тобола до Среднего Приобья, наряду с одеждой из рыбьих кож, отмечает бытование вышитых холстяных рубашек, суконных кафтанов, украшенных оловянными «цатами», шуб из птичьих шкурок, а также одежды и обуви из оленьих шкур [1999, с. 38–39].

Одной из ярких особенностей традиционной одежды этих групп обских угров являлись рубахи из крапивного и конопляного полотна, украшенные вышивкой. Подробнейшим образом производство крапивной пряжи у остяков было описано У. Д. Сирелиусом, который обозначил районы распространения ткачества у остяков в конце XIX — начале XX в. по рекам Салыму, Демьянке, Иртышу, Конде [1906, с. 22–23].

В конце XX в. на Демьянке зафиксированы сведения о бытовавшей здесь обработке крапивного волокна, из которого плели сети, веревки, ткали полотно. Крапивные нитки использовали также

для шивания. По сведениям информаторов, крапиву собирали осенью, когда с нее опадали листья, и сушили. Затем волокна отделяли от кострики, обрабатывали колотушкой до приобретения эластичности и пряли (ПМА). У. Д. Сирелиус [1906, с. 20] приводит описание специального орудия, которое использовали остяки для расщепления лубяных волокон крапивы. Оно представляло собой суживающуюся к одному концу деревянную или костяную пластинку с острием. Для прядения использовали прялки и веретена. Н. Ф. Прытковой описаны: прялка, представляющая собой длинный прямой шестик, одним концом упирающийся в потолок, крышу или перекладину, другим — в пол, и веретено [1953, с. 133]. Подобное веретено (*емут*) длиной около 30 см с пряслицем шириной 6–7 см из дерева было зафиксировано и у хантов Демьянки в 1999 г. На Конде в конце XX в. манси использовали русскую прялку-копыл (*понх ив*) и деревянное веретено (*ент*) биконической формы с утолщенным нижним концом (ПМА). Обработкой волокон и производством полотна занимались женщины. В. Пигнатти отметил обычай кондинских хантов класть на могилу умершей женщины веретено [1912, с. 11].

Получаемые нитки могли быть разных сортов, из них ткали отличающиеся по качеству полотна [Прыткова, 1953, с. 133]. Кроме крапивы, южные ханты в начале XX в. использовали лен и коноплю. С. К. Патканов отмечает, что в конце XIX в. южные ханты умели производить ткань из двух видов ниток, например, из крапивных и льняных. Лен и пеньку покупали у русских [Патканов, 1999, с. 73]. В первой половине XX в. на Конде было известно производство ткани из льна и шерсти. В 40–50-е гг. XX в. на р. Калемъяге (приток Демьянки) тонкие нити из крапивного волокна смешивали с нитками из овечьей шерсти и ткали сукно для пошива голенищ (ПМА). Использование крапивных волокон для ткачества зафиксировано также у мордвы, марийцев [Крюкова, 1967, с. 124], нарымских селькупов, шорцев, северных алтайцев, барабинских татар [Попов, 1955, с. 51].

Полотно ткали на горизонтальном ткацком станке. В начале XX в. многие исследователи указывали на то, что крапивное и конопляное полотно и ткачество исчезают у этих групп обских угров. Мнение о том, что ткачество является заимствованным обскими уграми у соседних народов было широко распространено в XIX — начале XX в. А. А. Попов отмечает сходство станка обских угров с чувашским и марийским [1955, с. 125]. Исследование фольклора, духовной культуры и языка показывает, что ткачество обских угров имеет древнюю основу и уходит своими корнями в ранние этапы культурогенеза угорского населения Западной Сибири [Лукина, 1985, с. 152–154; Федорова, 1994, с. 110].

Из крапивного полотна делали пологи, шили рубахи, халаты, штаны. Рубахи из крапивного полотна встречались еще в начале XX в. В Тобольском музее хранится коллекция хантыйских рубах из крапивного, конопляного и льняного полотна, привезенная из экспедиций по р. Конде Л. Р. Шульцем в 1908 г., В. Пигнатти в 1910 г. и др. Большая часть представленных здесь рубах сшита сухожильными нитками швом через край.

Как правило, женские хантыйские рубахи из крапивного полотна имеют туникообразный покрой, который признается одним из наиболее древних у многих народов мира [Сычев, 1977]. Его происхождение связывают с изобретением тканей полотняного переплетения. Использование ткани определило и один из типов туникообразного покроя, основу которого представляет стан рубахи, состоящий из трех частей: двух боковых полотнищ и среднего, ширина которого определялась особенностями древнего ткацкого станка. Среднее полотнище составляло перед и спинку одежды посредством перекидывания через плечи. На месте перегиба делался ворот. К среднему полотнищу пришивались под прямым углом рукава и боковины — боковые вставки, соединяющие перед и спинку. Между боковинами и рукавом вшивали ластовицы, обычно клиновидной формы.

Для женских хантыйских рубах был характерен прямой покрой стана и рукавов без скосов, что достигалось путем разрыва ткани по нитке, без режущих инструментов, или использованием цельных точек ткани. Такой прием кроя рубахи признается наиболее архаичным [Сухарева, 1979, с. 79–80; Лобачева, 1989, с. 9]. На хантыйских рубахах ширина среднего полотнища и боковин примерно одинакова и достигает 40 см. Расширение стана производилось путем вшивания между боковинами и спинкой небольших, до $\frac{2}{5}$ длины рубахи, клиньев. Рукав состоял из двух частей: верхней и нижней. Первая представляет собой перегнутое по середине прямоугольное полотнище. Вторая — перегнутый по середине клин, составляющий по ширине всего $\frac{1}{3}$ рукава. В месте перегиба эта часть имеет разрез, посредством которого рукав соединяется с ластовицей и боковиной. Нижняя часть рукава могла состоять и из нескольких кусков ткани. Ластовицы на хантыйских рубахах обычно имеют треугольную форму и пришиты по всей ширине боковины.

Женская хантыйская рубаха имела вырезанный спереди полукругом ворот и нагрудный разрез, которые оформлялись двумя способами: путем простого подгиба края на изнаночную сторону и пришитым воротником прямоугольной формы. Нагрудный разрез делался посередине и соединялся приемом состыкования краев и застежкой на пуговицы. Женские туникообразные рубахи из домотканого полотна южной, восточной и западной групп манси в целом совпадают по покрою с рубахами южной группы хантов [Федорова, 1994, с. 166]. При этом отмечается, что боковые вставки иногда состояли из двух равных частей, имели шов и кроились в этом случае с косыми срезами. Подобный крой рубахи фиксируется и у среднеобских хантов.

Рубахи из домотканого полотна украшались вышивкой шерстяными окрашенными нитками, бисером и аппликацией из полосок ткани. Не останавливаясь подробно на технике вышивки и мотивах орнамента, которые достаточно описаны в литературе, отметим лишь, что у хантов было известно четыре вида вышивки, а у манси, кроме того, — «мансийская вышивка», равнозначная по технологии *ханты ханчь*.

По способу расположения вышивки женские туникообразные рубахи обских угров подразделяются на пять вариантов [Рындина, 1995, с. 22–27]. В первом случае вышивка заполняет всю переднюю часть среднего полотнища и переходит через плечи на спинку в виде двух параллельных полос шириной 5–7 см, между которыми параллельно вороту располагается полоса шириной 3–4 см. Спереди вдоль боковых полотнищ параллельно шву располагаются по две полосы вышивки шириной около 8 см, между которыми на одинаковом расстоянии друг от друга находятся четыре прямоугольных бордюра. Швы, соединяющие боковые полотнища со спинкой и клиньями, обшиты темно-красной ниткой. В этом варианте вышивкой заполнялась верхняя перегнутая часть рукава и полосой вышивки шириной 8–10 см украшался край подола спинки, боковых полотнищ и клиньев. Иногда в сплошной вышивке на среднем полотнище выделялись локализованные области: прямоугольные полосы вдоль нагрудного разреза; ромб, поставленный на вершину треугольника в нижней части подола и т. п. Для этого варианта было характерно использование вышивок: *керем ханчь* — «продернутая вышивка» с орнаментом, состоящим из уголков, и *ханты ханчь* — «хантыйская вышивка» с узорами в виде стилизованных изображений птиц и деревьев [Рындина, 1995, с. 25].

Как предполагает Е. Г. Федорова, полное заполнение вышивкой переднего полотнища было характерно преимущественно для южной группы хантов [1994, с. 167]. Украшение сплошной вышивкой переднего полотнища туникообразной рубахи с выделением бордюров, а также оформление вышивки в виде параллельных полос, расположенных вдоль боковых полотнищ, было широко известно у марийцев и мордвы [Крюкова, 1968, с. 30–33; Сепеев, 1975, с. 150].

Для четырех остальных вариантов характерно сокращение площади, заполненной вышивкой. На переднем полотнище вышивка локализуется у нагрудного разреза и около пройм, сохраняется на рукавах в виде сплошной или бордюрной, и в виде полос — в верхней части спинки. При этом использовались все известные приемы хантыйской вышивки с соответствующими для них мотивами. Характеризуя пятый вариант, О. М. Рындина отмечает, что его особенностью являлась орнаментация нагрудного разреза и обшлагов в виде бордюров с использованием вышивки *руть ханчь* и бисера [1995, с. 27]. Подобное украшение туникообразных рубах широко известно также по материалам восточной группы манси, где вышивка локализовалась в области нагрудной части рубахи, рукавов и верхней части спинки [Федорова, 1994, с. 166; Рындина, 1995, с. 253]. Украшение женских туникообразных рубах вышивкой в области нагрудного разреза, на рукавах и спинке известно также по материалам одежды народов Поволжья [Сепеев, 1975, с. 150]. Локализацию вышивки в верхней части соотносят с появлением составного кроя туникообразной рубахи, при котором центральное полотнище состояло из нескольких частей, а также — с появлением у обских угров юбки [Рындина, 1995, с. 337].

Кроме вышивки, женские рубахи обских угров украшались также нашитыми по краю и срединному перегибу рукава, по пройме и краю нагрудного разреза полосками ткани шириной 2–3 см с бисером. Бисером украшались воротнички, которые часто были съемными.

Мужские туникообразные рубахи хантов из холста, представленные в коллекциях ТГИАМЗ, имеют отличную от женских форму кроя. Основу стана рубахи представляет полотнище, которое перегибается на плечах и с левого бока. Таким образом на спинке образуются кокетка прямоугольной формы и шов, соединяющий боковые полотнища. В шов на спинке делали неширокую прямоугольную вставку, которая дополняла до середины спинки левое полотнище. В результате чего на спинке получалось два вертикальных шва. Рукава вшивались в боковые разрезы. Каждый рукав представлял собой полотнище перегнутое таким образом, что задняя часть рукава была цельной, а передняя дополнялась в нижней части четырехугольной и клиновидной вставками. Рукава заужались к обшлагам. Ворот рубахи оформлялся стоячим воротничком и широкой прямоугольной планкой с застежкой на левую или правую сторону. В длину планка достигала середины груди. От нижнего края планки через весь перед рубашки проходил шов, смещенный в сторону застежки. Кокетку делали на подкладке из льняной или хлопчатобумажной ткани. В целом стан рубахи был прямой, его расширение достигалось за счет присборивания полотнищ на спинке у кокетки и спереди — у клапана. Как правило, рубахи украшались вышивкой по нагрудной полочке, вороту, обшлагам рукавов, краю подола. Мужская рубаха была короче женской, ее длина колебалась от середины бедра до колена.

Рубахи подобного покроя фиксируются также у среднеобских хантов [Прыткова, 1953, с. 145]. Необходимо отметить, что известны и рубахи с отрезной кокеткой спереди, и рубахи с плечевыми швами, расставленными небольшими прямоугольными вставками. В целом покрой мужской хантыйской рубахи совпадает с русской конца XIX — начала XX в. [Лебедева, Маслова, 1967, с. 237–238].

Еще один тип мужской хантыйской рубахи из холста фиксируется по коллекциям ТГИАМЗ. Стан ее состоит из двух одинаковых по ширине передних полотнищ, соединенных от вертикального нагрудного разреза срединным швом, и трех задних полотнищ. Вероятно, среднее заднее полотнище выполняло роль вставки, дополняющей левую часть спинки. Таким образом, на спинке образуются два вертикальных шва. Рукава вставлены в боковые швы и состоят из двух частей: полотнища, составляющего полностью заднюю часть и половину передней части рукава, и вставки. Рукава присборены и имеют широкие манжеты. Между станом и рукавами вставлены четырехугольные ластовицы. Ворот рубахи присборен, к нему пришит прямоугольный отложной воротничок. Нагрудный разрез идет от ворота до середины груди. На плечи нашиты прямоугольные полики. Вышивкой украшен нагрудный разрез рубахи, а также, в сочетании с аппликацией, оборка, полики и манжеты. Н. Ф. Прытковой этот тип рубахи был отнесен к наиболее старым, а происхождение отложного воротничка соотнесено с влиянием тюркоязычных народов [1953, с. 145–146]. Рубаха подобного покрова бытовала и у восточной группы хантов [Лукина, 1985, с. 161–164].

Н. Ф. Прыткова считает, что в прошлом ханты не носили рубах, а в XVIII в. рубахи были только у представителей родовой знати [1953, с. 145]. Однако уже в конце XIX в. мужские рубахи были широко распространены у исследуемых групп обских угров. Чаще всего здесь встречалась рубаха типа русской «косоворотки», покупная или сшитая из тканей фабричного производства. Рубахи эти имели стоячий воротник, нагрудный разрез с застежкой, оформленный в виде прямоугольной планки на правую или левую сторону.

Кроме рубах у исследуемых групп обских угров фиксируются также туникообразные женские халаты из домотканого полотна. Их покрой совпадал с покроем туникообразных рубах. Стан халата представлял собой перегнутое на плечах полотнище с разрезом спереди. К полотнищу пришиты боковые вставки, состоящие из трех клиньев. Рукав сшит из двух частей — цельнокроеной задней, перегнутой до половины переда, и пришитой к ней вставки. Иногда спереди между рукавом и боковиной вшивалась небольшая полоска ткани. Ворот халата имел округлый вырез. Края полочек халата украшены вертикальными вышитыми полосами и поперечными прямоугольными бордюрами, а нижние углы подола — вышитыми треугольниками. Кроме того, вышивкой орнаментировалась повдоль передняя боковая вставка, перегнутая задняя и передняя часть рукава, а также край подола боковин и спинки. При этом вышивка сочеталась с аппликацией полосками разноцветной ткани вдоль и поперек рукавов, по швам, соединяющим среднее и боковые полотнища, и на подоле. По-видимому, в более упрощенном варианте аппликация вытесняет или замещает вышивку, располагаясь в виде поперечных полос на рукавах, в верхней части спинки и краю подола боковин и боковин, в виде продольных полос — по краю полочек, в виде дугообразных полос — в нижних углах полочек, спереди на плечах и в верхней части спинки. Обычно обшлага рукавов украшались полосками ткани с нашитым бисером.

По коллекциям Тобольского музея известен халат подобного покрова, сшитый из хлопчатобумажной ткани красного цвета и украшенный аппликативными полосами по всей площади рукава, плечу, краям полочек, передним боковым швам и краю подола. Рукав халата выкроен из цельного полотнища и заужен к манжете, расшитой бисером. Ворот обшит узкой полосой ткани синего цвета, а передняя часть оформлена в виде треугольника. В целом покрой халата совпадает с хлопчатобумажными туникообразными халатами *тор сах*, известными в настоящее время у северных групп обских угров. Отличия состоят в большем размере старых халатов и в покрое рукава. У современных халатов рукав прямой и короткий. Кроме того, боковины современных туникообразных халатов обычно цельнокроеные.

Туникообразные халаты из холста известны также у народов Поволжья. У удмуртов они (*шортдэрем*) отличались ложными рукавами, четырехугольными отложными воротниками, нашивками в виде лент по подолу [Лебедева, Атаманов, 1987]. У мордвы женские халаты *руця*, *оршамка* отличались широким продольным срединным разрезом, который образовывался в результате вырезания полосы шириной 10 см, а также продольными аппликативными полосами вдоль швов на спинке [Прокина, 1994, с. 72–79]. У марийцев туникообразные халаты *шовыр*, *шушпан* украшались вышивкой, располагавшейся по вороту, краям рукавов и по полам до пояса. Предполагается, что марийский халат послужил прообразом русских *шабуров* и башкирских *сыба* [Сепеев, 1975, с. 172–175, 177]. Туникообразные женские халаты *мунисак*, *пешво*, *гиллим*, *кулече* известны по материалам среднеазиатской одежды. Отличительные черты *мунисака* — отсутствие воротника, широкий вырезанный ворот, сборки под рукавом, клинья, увеличивающие запястья. Предполагается, что *мунисак* произошел из рубахи. Женские халаты народов Средней Азии признаются более поздним явлением и характеризуются менее яркой отделкой, чем мужские [Сухарева, 1979, с. 89–93].

Для восточной группы манси и южной группы хантов были характерны суконные кафтаны (*сукман*), украшенные бисером и металлическими бляшками. Обычно кафтаны шили из сукна темного цвета (черного, темно-синего). Полочки и спинка кафтанов были цельнокроеными, рукава с перегибом на середине — зауженные. На спинке от талии до низа делали вырезы, в которые вшивали прямоугольные вставки. Ворот спереди вырезали полукругом и пришивали невысокий стоя-

чий воротничок. Встречаются кафтаны без воротника. Полы состыковывались и застегивались на пуговицы, расположенные справа. На нижние уголки и края полочек кафтана, на воротник и обшлага, на плечевые швы рукава и спинки, на локтевой сгиб рукавов, край подола и швы вставок, а также на линию от плеч до талии нашивались плетеные бисерные ленты. Часто они сочетались с металлическими бляшками и пуговицами, которые нашивались вдоль края полочек, подола и на обшлага.

Сукман как праздничная верхняя одежда мужчин был известен у тоболо-иртышских татар. Его шили из домотканой шерстяной материи. В длину он был до щиколоток и имел воротник и пуговицы, вырезанные из кожи. Сукман длиной до бедер использовался в качестве промысловой одежды. Носили сукман с поясом [Смирнова, 1995, с. 203].

В конце XIX — начале XX в. у исследуемых групп обских угров была широко распространена одежда, сшитая из овечьих шкур — *ачни* (хант.) [Прыткова, 1953, с. 193; Лукина, 1985, с. 169]. У кондинских манси в 90-х гг. XX в. еще сохранялось общее название для шуб — *орщх*. В это время здесь были широко распространены мужские крытые тканью полушубки из овчины прямого покроя с полочками одинаковой ширины, застегивающимися на пуговицы (ПМА).

Среди русского населения в конце XIX — начале XX в. шубы из овчины были широко известны. Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова выделяют несколько видов такой одежды: однобортная халатообразная с отрезной спинкой и вставленными боковыми продольными клиньями, а также с клиньями, сильно расширяющими подол. Русская шуба, известная в том числе и на территории Сибири в этот период, представляла собой длинный широкий запахивающийся халат, иногда двубортный, без за-стежки. При этом названия одежды: *кафтан*, *зипун*, *шуба*, *тулуп*, *армяк* имеют восточное [тюркское] происхождение [Лебедева, Маслова, 1967, с. 244, 246, 249]. Это подтверждается широким распространением этих видов одежды у тюрков и финноязычных народов Поволжья, а также у сибирских татар. У последних овчинные шубы (*тун*) и тулупы являлись верхней мужской одеждой. Они шились без воротника и сверху покрывались тканью [Прыткова, 1961, с. 229]. Крытые тканью шубы из овчин были известны у восточных марийцев (*кёрыйк*) и чувашей (*кёрёк*) [Сепеев, 1975, с. 180; Денисов, Иванов, 1985, с. 187]. Овчинные шубы с отрезной талией и сборками бытовали в конце XIX — начале XX в. у заволжской мордвы [Прокина, 1994, с. 74].

Как представляется, лосиные и оленьи шкуры широко использовались на всей территории проживания обских угров в качестве материала для пошива одежды и обуви. Их использование зависело от хозяйственных занятий и состоятельности местного населения. Часто оленьи и лосиные шкуры выступали предметом обмена, купли-продажи, особенно у восточной группы манси и южных хантов, где они являлись малодоступным, но востребованным материалом. Часто покупали уже сшитые из оленьих шкур одежду и обувь.

Сведения об одежде из оленьих шкур сохранялись у кондинских манси еще в начале 90-х гг. XX в. Известно, что шубы шили двойными с капюшоном из пешки и украшали разноцветными кусочками сукна. В настоящее время такая одежда здесь не используется. В конце XIX — начале XX в. у тобольских (иртышских) хантов отмечено бытование в качестве мужской зимней одежды малицы (*kêle*) и гуся (*xus*), сшитых из оленьих или собачьих шкур [Патканов, 1999, с. 51]. При этом малица имела глухой покроя, шилась мехом внутрь с капюшоном. Н. Ф. Прыткова отмечает, что название *kêle* (колег) не являлось характерным для одежды глухого покроя (малицы), и у обских угров оно использовалось в основном для обозначения древнейшей одежды распашного типа, примыкающей к общесибирской, сшитой из оленьих, лосиных и медвежьих шкур [Прыткова, 1953, с. 157]. Этот вид одежды был известен у восточной группы хантов [Лукина, 1985, с. 178].

Отсутствие описания покроя малицы и гуся у южных хантов и восточных манси не позволяет сопоставить их покроя с имеющимися у других групп обских угров. В целом у обских угров выделяется по покроям несколько вариантов малицы. Обычно перед и спинку малицы кроили из двух шкур, которые надставляли по нижнему краю широкой меховой полосой. Край подола оторачивали широкой полосой меха оленя или собаки, рукава шили зауженными к обшлагам с рукавицами из оленьих камусов и с ластовицами, на плечах делали прямоугольную вставку, к которой пришивали капюшон. У манси выделяется два варианта покроя малицы. В первом варианте в бока делали вставки, которые отсутствовали во втором варианте, менее распространенном [Федорова, 1994, с. 122]. Кроме того, нижний край спинки мансийской малицы обычно был длиннее переда. У восточных хантов была также известна малица с передним вертикальным швом [Лукина, 1985, с. 189]. Малица подобного покроя известна также у ненцев и коми-зырян, близка к ней глухая одежда чукчей, коряков, ительменов и азиатских эскимосов [Прыткова, 1961].

Гусь, надеваемый поверх малицы, также был глухого покроя, шился мехом наружу и имел капюшон, затылочная часть которого была цельнокроеной со спинкой. Предполагается, что у восточных манси и южных хантов меховые малица и гусь использовались в основном как дорожная одежда [Прыткова, 1953, с. 156]. Восточные манси называли такую одежду — *сахмен*, *шабур* [Федорова, 1994, с. 132]. У сургутских хантов одежда этого покроя называлась *кумыш* [Лукина, 1985, с. 192]. Одежду этого типа шили и из сукна. В этом случае ее использовали в теплое время года, чаще

всего в качестве промысловой. Известны разные варианты покроя суконного гуся: с цельнокроеными спинкой, рукавами и передом; с пришитыми рукавами, плечевыми швами, треугольной вставкой на груди между капюшоном и станом [Прыткова, 1953, с. 154; Лукина, 1985, с. 194; Федорова, 1994, с. 134].

Фактически отсутствуют сведения по нижней набедренной одежде исследуемых групп. Известно, что наиболее архаичной формой натазника, распространенной у всех групп обских угров, был женский пояс-повязка (*варып* — хант., *кась* — манс.), который изготавливали из бересты, ровдуги, ткани, сукна или кожи. Натазник состоял из поясного ремня и прикрепленной к нему полосы с оловянной пряжкой [Лукина, 1985, с. 156; Прыткова, 1953, с. 167; Федорова, 1994, с. 159]. Натазник из бересты украшали выскобленным орнаментом, из других материалов — бисером и бусами. Его начинали носить с момента наступления половой зрелости. Сведения о покрое женских штанов у восточных манси и южных хантов не многочисленны. Известно только, что повсеместно они были короче, чем мужские.

Мужские штаны обских угров шились из ровдуги, рыбьих кож и ткани. У южной групп хантов были известны мужские штаны типа натазника, сшитые из одного куска ровдуги или ткани с клиньями на коленях и животе, имеющие застежку [Прыткова, 1953, с. 145].

У исследуемых групп обских угров были известны пояса (*ентыл* — манс., *антып кел* — хант.) тканые или плетеные, сшитые из ткани или сукна. Кожаный пояс с металлической или костяной пряжкой являлся принадлежностью мужского костюма. К поясу прикреплялись ножны и кожаные, суконные или матерчатые сумочки, в которых хранились огниво, трут, табак и др. [Там же, с. 160]. Кожаные пояса украшались металлическими бляшками, пуговицами, а также костяными накладками. Обычно мужчины носили подпоясанную одежду с напуском, который использовали в качестве кармана.

Известны тканые из двухцветной шерсти женские пояса южных хантов. Ткали их на станке, который ранее использовался для тканья полотна, или на маленькой доске с параллельными рядами прорезей [Шульц, 1924, с. 181]. Тканые пояса были длинными, их обматывали вокруг талии несколько раз. Кроме того, у южных хантов были известны пояса из сукна, украшенные пуговицами или расшитые бисером. Такие пояса бытовали также и у манси. Концы тканых, плетеных и суконных поясов украшали бисерными подвесками с металлическими бляшками.

У южных хантов известны суконные и вязаные из овечьей или собачьей шерсти рукавицы — *лас*, *лос*. Рукавицы вязали из цветной шерсти, обычно двух цветов. Иногда их обшивали сукном или кожей. Сукно вышивали нитками или бисером. Вязаные и суконные рукавицы были известны и у восточных манси. И у той и у другой группы обских угров они фиксируются в качестве женских [Прыткова, 1953, с. 196; Федорова, 1994, с. 186]. У южной группы манси были также известны мужские рукавицы, сшитые из лосиных лап [Лепехин, 1814, с. 21]. Е. Г. Федорова отмечает совпадение названия рукавиц хантов и манси с коми, марийским и удмуртским [1994, с. 186].

У восточных манси и южных хантов использовалась обувь, сшитая из оленьих, лосиных, коровьих шкур, собачьего меха, кожи, ровдуги, а также вязаные и суконные чулки. Обувь из меха и кожи, как правило, шили сухожильными нитками.

Наиболее распространена была обувь, состоящая из подошвы и пришитой к ней головки. У манси выделяется три подтипа этой обуви, в зависимости от наличия и длины голяшки и материала, из которого она сшита: олений и лосиный мех или камусы, кожа, ровдуга, сукно [Федорова, 1994, с. 146]. Е. Г. Федорова предполагает, что первый подтип этой обуви (*няры*), состоящий из кожаных подошвы и головки с пришитой кулиской и шнурком, закрепляющим нярки на ноге, является основным, собственно мансийским, распространенным у всех групп манси [Там же, с. 194]. Головка нярок украшалась вертикальными полосками нашитого по всей площади бисера, а носок оформлялся в виде треугольника.

У кондинских манси в первой половине XX в. были известны няры второго и третьего подтипов, выделенных Е. Г. Федоровой. Подошву для них изготавливали из коровьей шкуры подшерстком наружу. Голенище делали из кожи или сукна. При этом обувь с невысокими голенищами называли *чирками*, а с высокими — *броднями* (ПМА). У хантов обувь, состоящая из подошвы и головки, называлась *нир*, и использовалась в качестве летней у всех групп [Прыткова, 1953, с. 197; Лукина, 1985, с. 205]. Хантыйские чирки также украшались бисером, а на севере — аппликацией из ткани. Н. В. Лукина считает, что термин «*нир*» является общехантыйским для обозначения обуви вообще [1985, с. 202]. Вероятно, обувь этого типа является наиболее древней формой обуви обских угров. Обувь подобного типа была также известна у селькупов, кетов, кумандинцев, телеутов, шорцев, хакасов и чукчей. Г. М. Василевич относит эту обувь к башмаковидной западносибирского типа [1963, с. 45–49].

У обских угров чирки обычно носили с вязаными или суконными чулками. У кондинских манси вязаные чулки (*вон*, *вой*) из овечьей или собачьей шерсти могли быть как с узорами, так и без (ПМА). У юкондинских манси были известны чулки, связанные из конского волоса, которые носили поверх шерстяных, иногда и без обуви [Федорова, 1994, с. 153]. Хантыйские вязаные шерстяные чулки с

узорами носили в сборку [Прыткова, 1953, с. 197]. Описывая суконные чулки манси, Е. Г. Федорова отмечает косой срез верхнего края [1994, с. 150].

Другой вид обуви, зафиксированный у восточной группы манси и южной группы хантов, — ун-товидный или башмаковидный с союзками — состоял из подошвы, сшитой из оленьей щетки, головки с союзками и голенища из камусных полос. Обувь этого типа — *сохни* бытовала у кондинских манси еще в середине XX в. Ее шили из оленьих камусов в два слоя: мехом внутрь и мехом наружу. Сохни крепилась при помощи завязок под коленом. По некоторым свидетельствам, ее носили только мужчины. В конце XX в. у кондинских хантов и манси была распространена обувь ун-товидного типа под названием *кисы* или *бурки*. У этой обуви подошва делалась как из щетки, так и из валяной шерсти. Часто кисы были двойными, на подкладке из сукна или оленьего меха. В швы вставлялись полоски красного сукна. Верхний край голяшки обрезался ровно. Женские кисы шились короче мужских и украшались вышитой бисером полосой от носка до края голяшки по центральной передней вставке, а также горизонтальной полосой по краю голяшки. Кроме того, женские кисы могли украшаться опушкой из собачьего, оленьего меха или овчины. Мужские кисы в длину достигали колена. У мужчин также были известны *унты* — обувь башмаковидного типа, у которой подошва и головка шились из кожи, а голяшка — обычно из собачьего меха. Унты делали двойными — на подкладке из собачьего меха или сукна. Их использовали как промысловую обувь (ПМА).

Наиболее распространенными головными уборами у исследуемых групп обских угров можно считать платки или косынки, которые носили как мужчины, так и женщины. Мужчины использовали платок/косынку в теплое время года для защиты от комаров на промыслах. Они повязывали платок на шею или на голову. Мужские платки в отличие от женских не имели украшений и были либо покупными, либо сделанными из куска ткани.

В качестве женского головного убора у южных хантов была известна косынка — *хатань охчам* (татарский платок). Предполагается, что аналогичная бытовала и у восточных манси [Федорова, 1994, с. 187]. Она представляла собой равнобедренный треугольный кусок холста, средний угол которого был прямым и украшался бисерными лентами и кисточками и металлическими бляшками [Прыткова, 1953, с. 203]. Бисерными лентами с металлическими подвесками и кисточками украшался и наспинный угол платка, изготовленного из ткани. Такие платки носили как косынки — свернутыми на угол и подвязанными под подбородком. У южных хантов был известен также женский платок — *охчам*, представляющий собой четырехугольный кусок ткани, углы которой вышивались в виде квадратов [Там же, с. 204]. Платки с обозначенными в виде квадратов углами были известны у восточной группы хантов. Во второй половине XX в. их изготавливали из квадратного куска ткани, к каждой стороне которого пришивали широкие полосы ткани, отличной по цвету, а в углы вшивали квадраты. Платок украшали бахромой из ниток (ПМА). Такой же платок — *суминь-тых*, но украшенный вышивкой, был известен и у восточных манси и, как предполагается, — у южных [Федорова, 1994, с. 187]. Зимой женщины носили суконные и шерстяные шали, свернутые на угол и завязывающиеся на шее. В целом обнаруживается сходство платков южной группы хантов и восточной группы манси с платками народов Поволжья. Е. Г. Федорова предполагает связь мансийских платков с общим этническим компонентом, характерным для урало-поволжско-го и среднеазиатского регионов [Там же, с. 190]. Женские платки народов Средней Азии отличались большим разнообразием по материалу, технике украшения и способам ношения. У таджиков были известны платки, украшенные вышивкой, а также каймой с выделением угла [Широкова, 1989, с. 184].

У южных хантов в конце XIX — начале XX в. была известна головная повязка — *саравать*, которую носили женщины и девушки [Пигнатти, 1912, с. 13]. Ее шили из ткани и украшали вышивкой из бисера и бисерным плетением по краю налобной части. Известно также, что концы повязки украшали плетеными бисерными лентами, которые свисали на спину [Алквист, 1999, с. 146]. Подобные повязки были распространены у всех групп манси. У них также выделяется повязка на жесткой основе, украшенная бисером и свисающими от ушей бисерными нагрудными и наушными украшениями [Федорова, 1994, с. 193]. Поверх повязки накидывали платок. У тоболо-иртышской группы татар были известны женские повязки *сарауц*, *сараоч*, которые надевали девушки в день свадьбы и покрывали сверху шелковыми платками [Томилов, 1978, с. 179–180]. У южных таджиков в XIX–XX вв. была известна вышитая шелком налобная повязка *сарбандак*, которую носили девушки и молодые женщины. К концам повязки пришивали две длинные ленты, спускавшиеся на спину [Широкова, 1989, с. 184].

Зимним мужским головным убором у южных хантов был капор (треух), шитый из меха и подвязывающийся под подбородком [Прыткова, 1953, с. 162]. У восточных манси во второй половине XX в. были известны шапки, сшитые из оленьего, лисьего, собачьего меха, а также меха выдры. В конце XX в. наибольшее распространение получила шапка, сшитая из собачьего меха, с ушами и козырьком. Уши шапки выкраивались вместе с полосой, закрывающей теменную часть головы, и делались двойными — мехом внутрь и мехом наружу (ПМА). Н. В. Лукина отмечает бытование у кондинских хантов и манси шапки с круглой тульей из ткани и околышем из меха [1985, с. 223]. Подобная шапка *тахья* бытовала в конце XIX — начале XX в. в качестве повседневной у тоболо-

иртышских татар [Смирнова, 1995, с. 204]. В конце XIX — начале XX в. среди мужского населения на исследуемой территории были широко распространены фуражки (картузы), что ясно демонстрируют фотоматериалы того времени.

Одежду красили и украшали вышивкой, бисером, металлическими бляхами, пуговицами. На плечевой одежде декорировались обшлага рукавов, ворот, края подола и полочек. У южных хантов и восточных манси вышивкой бисером богато украшались пояс, чирки, налобная повязка, рукавицы. У этих групп обских угров были широко распространены такие женские съёмные украшения, как косники, косоплетки, нагрудные украшения, снизки из бисера в виде бус, серьги, кольца.

Косник представлял собой узкую, расшитую бисером ленту с бисерными же кистями на концах. Средняя часть косника помещалась на затылке, а оба конца вплетались в косы так, что кисти свисали ниже самих кос. В отличие от них косоплетки — плетеные или вышитые бисерные ленты с бисерными кистями, металлическими бляшками или шерстяными кисточками на концах — прикреплялись к концам кос. И второй вид — это бисерные ленты, плетеные или пришитые на тканую основу, которые вплетались у основания кос и соединялись между собой бисерными нитями, снизками из бус, металлическими цепочками и т. п. Концы такой косоплетки могли перекидываться через голову на грудь.

У кондинских манси было известно также украшение *kuškoalt* в виде плетеных бисерных лент, которые прикреплялись к височной части головной повязки и свисали на грудь.

Самыми простыми шейно-нагрудными украшениями были бусы и снизки из бисера. В конце XIX — начале XX в. их делали с крестиками. Кроме того, женщины носили на груди плетеные бисерные ленты, скрепленные сзади на шее нитками (*māgyllapc*, *пальсак* — манс.) [Федорова, 1994, с. 195]. Концы украшались бисерными подвесками, металлическими бляшками. Иногда на груди ленты скреплялись бисерной перемычкой. Е. Г. Федорова предполагает, что это украшение происходит от бисерных съёмных воротников [Там же, с. 198]. Н. В. Лукина отмечает бытование подобного вида украшения, но нашитого на тканевую основу, у восточной группы хантов и высказывает за его южное происхождение [Лукина, 1985, с. 231]. Сходные формы украшений существовали у народов Поволжья, Средней Азии и западносибирских татар [Смирнова, 1995, с. 210].

У обских угров известны два вида серег: покупные (фабричного и кустарного производства) и самодельные. Последние представляют собой металлический крючок с нитями из бисера и бус, с металлическими бляшками и жетонами на концах. В длину они достигали до плеч. Большой популярностью у обских угров пользовались кольца. Их носили по 10–15 штук на каждой руке и мужчины, и женщины.

Заканчивая обзор традиционной одежды восточных манси и южных хантов, необходимо отметить, что уже в конце XIX — начале XX в. у женщин бытовали юбки, фартуки, фуфайки, у мужчин — пиджаки, сапоги, жилетки, т. е. элементы костюма, широко распространенные у русского и татарского населения Сибири.

Комплексы традиционной одежды восточной группы манси и южной группы хантов совпадают по целому ряду признаков: использование крапивного полотна и одежды, сшитой из него; покрой суконных кафтанов, украшенных бисером и оловянными или металлическими бляшками; покрой женских туникообразных рубаш и халатов; расположение вышивки на одежде из холста; шубы из овчины; кожаные, суконные, тканые или плетеные пояса; бисерные привески на концах женского пояса; вязаные рукавицы; башмаковидная обувь, состоящая из подошвы и головки (*няры* — манс., *нир* — хант.); суконные и вязаные чулки; обувь из камусов с союзками (бурки, кисы); вышитые, с пришитыми кистями женские платки; головные повязки, украшенные бисером; нагрудное украшение в виде плетеных из бисера лент. Некоторые элементы костюма из перечисленных выше широко распространены на территории проживания обских угров и являются общими для всех групп. К ним относятся — украшенные металлическими пуговицами мужские кожаные пояса с ножнами; обувь башмаковидного и унтовидного типов; нагрудное украшение в виде плетеных из бисера полос (в том числе, нашитых на ткань); женские халаты туникообразного покроя; рукавицы, сшитые из сукна и лосиных шкур.

Кроме того, наблюдаются также сходные черты в традиционной одежде исследуемых групп обских угров и народов Поволжья: использование крапивных волокон для ткачества; туникообразные женские рубашки и расположение вышивки на них; покрой туникообразных женских халатов; вышитые женские платки; использование в качестве мужской зимней одежды овчинных шуб.

К одежде народов Средней Азии близок покрой туникообразных женских рубаш и халатов, женские платки с кистями.

[1] Автор сердечно благодарит за помощь и содействие в работе с коллекциями сотрудников ТГИАМЗ хранителя Наталью Сергеевну Иванову и ст. науч. сотр., канд. ист. наук Елену Валерьевну Перевалову, а также директора Кондинского музея — Надежду Ивановну Богданову, хранителей фондов ТОКМ, старших научных сотрудников — Нину Александровну Повод, Татьяну Алексеевну Курбатову, Марину Геннадьевну Вольхину и канд. ист. наук Валентину Ивановну Семенову.

Литература

- Алквист А.* Среди хантов и манси. Путевые записки и этнографические заметки. Пер. с немец. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
- Бабаков В. Г.* Манси // Вопросы истории. 1973. № 3. С. 214–218.
- Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. М.; Л.: АН СССР, 1963. Т. 21. С. 5–64.
- Васильева Г. П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX — первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 174–204.
- Головнев А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
- Головнев А. В., Новикова Н. И.* Этническая специфика современной традиционно-бытовой культуры кондинских манси // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 101–105.
- Денисов П. В., Иванов Л. А.* Чуваши // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. С. 175–199.
- Дунин-Горкавич А. А.* Тобольский Север. В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. М.: Либерея, 1996. 432 с.
- Инфантьев П. П.* Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910. 199 с.
- Крюкова Т. А.* Материальная культура марийцев как один из источников решения вопроса об этногенезе // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 119–124.
- Крюкова Т. А.* Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 118 с.
- Лебедева Н. И., Маслова Г. С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967. С. 193–267.
- Лебедева С. Х., Атаманов М. Г.* Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1987. С. 112–150.
- Лепехин И.* Продолжение дневниковых записок путешествия И. Лепехина. СПб., 1814. Ч. 3. 376 с.
- Лобачева Н. П.* О некоторых чертах региональной общности в традиционном костюме народов Средней Азии и Казахстана // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 5–38.
- Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов. Томск: Том. ун-т, 1985. 364 с.
- Мартынова Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М.: РАН, 1998. 236 с.
- Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком, сочиненное Гр. Новицким в 1715 г. // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. С. 13–16.
- Павловский В.* Вогулы. Казань: Типо-литография Импер. ун-та, 1907. 229 с.
- Патканов С. К.* Сочинения в двух томах: Т. 1: Остяцкая молитва. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 400 с.
- Пигнатти В.* Краткое сообщение о поездке на р. Конду [М. Кондинская волость, Тобольского уезда летом 1910] // ЕТГМ, 1912. Вып. 20. С. 1–15.
- Полов А. А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // СМАЭ. 1955. Вып. 16. С. 49–146.
- Прокина Т. П.* Одежда и украшения // Мордва Заволжья. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. С. 64–91.
- Прыткова Н. Ф.* Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Вып. 15. С. 123–233.
- Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // ИЭАС. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 227–328.
- Рындина О. М.* Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 3. 640 с.
- Селеев Г. А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 248 с.
- Сирелиус У. Д.* Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ, 1906. Вып. 15. С. 1–40.
- Смирнова Е. Ю.* Традиционная одежда тоболо-иртышских татар конца XIX — первой трети XX в. // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 201–216.
- Соколова З. П.* К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 186–210.
- Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983. 326 с.
- Сухарева О. А.* Опыт анализа покроев традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 77–103.
- Сычев В. Л.* Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии // СЭ. 1977. № 3. С. 32–46.
- Томилов Н. А.* К истории головных уборов сибирских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 176–198.
- Федорова Е. Г.* Одежда манси XIX–XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 196–207.
- Федорова Е. Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 286 с.
- Широкова З. А.* Традиционные женские головные уборы таджиков (юг и север Таджикистана) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 182–203.
- Шульц Л.* Салымские остяки // Зап. Тюм. о-ва науч. изучения местного края. Тюмень, 1924. Вып. 1. С. 166–200.
- Setmayer W.* Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickereien // Anzeiger der Ethnographischen Abteilung des Ungarischen Nationalmuseums. 1914. Jahrg. 6. S. 167–172.

Тюмень, Институт проблем освоения Севера СО РАН